поэзия

6

Anekceŭ Ocingguh

Не наводимо прошлое на резкость

Родом из детства

Я вышел из детства, в чём был, ты меня не рожала – я выскользнул искрой в трубу из ночного пожара! Гудящее пламя казанских проулков и скверов вылизывало, будто сука, нас – сирых и серых.

Я вышел за квасом с бидоном в июльское утро во двор, где на лавках – портвейн, а в кустах – камасутра. Где пеной пивной поднялись тополиные кроны и старый фокстрот подавился иглой патефонной!

Я вышел в открытый киоск с сигаретами «Космос», где люк на асфальте и глюк состыкованы косо. Где шишел и мышел, копейки сшибающий хроник... Где, Дороти, твой сволочей убивающий домик.

Там вечный ремонт и о стены шершавые гулко котом загулявшим скребётся монтажная люлька. Дворовый Шумахер с руками в порезах и цыпках играет джаз-рок на горячей трубе мотоцикла.

Невольники чести сражались в оврагах, как психи – разменные карты «козла», «петуха» и «зассыхи»... Я вышел из детства, а был запечатан в колоде, но детство само до сих пор из меня не выходит!

В разведке

Александру Кабанову

Я б с тобой в разведку не пошёл: сквозь туман в лицо стегают ветки... с губ разбитых – крови малосол... Вот опять заклинило каретку!

Ни тебе попутки – ни пути, сотня мин до вражьего окопа. Зацепил «колючку» – не свисти, лучше притворись пучком укропа!

Птица-снайпер в клевере прижух – он меня выцеливает метко: майский прогудел башибузук, зазвенела медная медведка...

Дверь землянки выбита пинком, наступает щебет предрассветный... Я б с тобой пошёл за языком, настоящим русским, разноцветным!

Междуречье

Интонация нации здешней такая: между первым и третьим стаканом «Токая» тараторить из Торы, рассказывать сказки... и выдёргивать палец из горла «Фетяски» пусть его обсосут августовские осы... Дом Волошина встретился с книжным киоском, и стоят ввечеру животами толкаясь: их беседа – из Даля толковая замесь. Коктебель, процветает твоё междуречье... украинскому русский попался навстречу, и пыхтят, упершись животами друг в друга: мин сине яратам – ашатам кеже буге!* Псам – такое величье и нежная зависть! Спам наречий иных – их дешёвая запись в штормовых бурунах, на верандах столовых... Спросишь щей, а девчонка по-русски – ни слова!

⁸

^{*} Я тебя люблю – козьим помётом кормлю (тат. поговорка, дана в инверсии)

Охотник

В закованном кафелем снежным бору спит дятел, воткнув свои мысли в кору, крадётся охотник, с прибором, упал под рябиной, уже под обрез прицелился было и, вдруг, подобрел, вздохнул и полез на пригорок...

Хромает и шепчет под нос: твою мать, придётся до лета пшено смаковать, а кости болят к непогоде... Когда под ножом и под ложкой сосёт... Бог знает, откуда бездарный сосед медведя угрёб на подводе?

Ржавеют, как сосны, двустволки стволы, приклад – будто улей в потёках смолы. Сквозняк – вездесущ, словно стронций... Но если окошко оттаять в губах, услышишь, в траве на полу и дровах стрекочут кузнечики солнца!

Пасьянс

Это, похоже, небесная кара: мокрое утро, сухой виноград... Вместо камина - очаг Папы Карло носом проколотый чёрный квадрат. Падает-падает вилка шейка, фемина... гусиный помёт. Если и выскочит джип из бутылки песню попутную не заведёт, фыркнет, объят мельхиоровой спесью: перекосило избу и забор, зябнет в стогу свежескошенный месяц, сено вокруг расчесав на пробор. Может, и я той же грязью раскисну... Родина мира и гимна с ранья если подвергнет кого остракизму живо напомнит копилка-свинья. Денежка к денежке – лета приметы: пруд эскимо камышовым оброс, дамы, по пояс в воде, и валеты, и виноградные косточки слёз.

C

наводимо прошлое на резкость

Измена

Засыпая, двигались след в след, обернулась – я и был таков... Распечатал медленный рассвет контурные карты облаков. Будь моей фантазией пока, козырей старайся не сдавать. Вот заходит из-под дурака чёрной молью битая кровать: сплетена из боевых пружин, в каждом завитке таится всхлип. Только копоть прошлого кружит – потому очкарик снова влип... Я с тобою медленно живу: ночь гремит цепями фонарей. Обижаться грех за дежавю, будущее прошлого верней. Город снова в белое одет, нафталином веет из прорех... Кончилась горчичка, твой студент влип, и не спасает «Теормех»!

Деревяшка

Как ты, молекулами хлеба – выкармливая мелких птиц, деревья прорастают в небо и падают оттуда ниц. Встречает гладь реки скитальца плашмя, а не моги, родной, ходить по клавишам на пальцах над перевёрнутой страной! Обрыва каждый пень скуратов – бросает клубни кулаков в живот, податливее ваты. Ушёл в себя – и был таков... Покамест обмирает сердце, загривок загодя намыль -Ужо умерит пыл терпельца казённой мешковины пыль, оформит перечень историй остаток рощи небольшой... Деревья умирают стоя у человека над душой!

10

ВИЕСОП

Последний мёд

Опять в саду резину тянет лето: у яблока – курок от пистолета, у облака – видок истопника... Тимьян свалялся пьяным вдоль забора, коровья божка – внучка мухомора, летит и прячет спинку от пинка.

За то, что крут и прёт из самовара представлен пар осе земного шара... над сливовым вареньем не гуди! Над грядками распущенные пряди смотай на бигуди – и всё в поряде! Покажет жало – краник покрути!

Для вечности тревога эта – редкость. Не наводимо прошлое на резкость. Мёд укачало в сотах гамака. Я, понимая – дело всё в ячейках, не поспевает чай по воле чьей-то – до первой крови, режусь в «дурака».

Застряли комом в горле документы... Торчат, на стрёме, фишер и карпентер – пока выходишь с будущим на связь, где тычет в лоб усатый нянь с плаката, ползёт, на автомате, факс заката, загадочный, в прифронтовую грязь.

